

Экран и сцена —
1998 — мв
(~2) — с. 7.

Книга Борис Бабочкин. Воспоминания. Дневники. Письма. (М. "Материк". 1996) читается залпом. Казалось бы, мы так много о нем знаем. Видели, слушали, и сам он рассказывал о своей работе в книгах, в массе статей. Но в этой последней, посмертной книге — история души художника и его времени, пропущенного через сердце великого артиста.

Особенно интересны, на мой взгляд, дневники. В них — исповедь самого Бабочкина, истоки, породившие его на редкость разнообразное, многоплановое творчество. Головокружительная глубина духовной жизни, тонкость, хрупкость и сила, стойкость и ранимость сложной души артиста.

Абсолютная честность и максимализм в требованиях к жизни, искусству и, прежде всего, к самому себе. В этих дневниках, да и во множестве писем, где он выступает нежно любящим, забот-

История души художника

ливым отцом и мужем, верным другом, — возникает та часть айсберга, которая обычно скрыта под водой, в самых глубинах. Перед нами личность артиста, создавшего русский национальный характер в его проявлениях, казалось бы, вовсе исключаящих друг друга. Огромный диапазон личности, создавшей Чапаева и царевича Алексея, Чацкого и Хлестакова, Власа и Суслова, Клаворова и Иванова, художника Аадама и Силу Ерофеича Грознова, советских военоначальников и приспособленца Достигаева! От пушкинского Самозванца, претендующего на царство, до скромного Кулигина, этого "чудика" из российской глубинки, мечтающего о счастье и человечестве. Историк театра найдет в дневниках Бабочкина неисчерпаемый материал для осмысления не только его творчества, но и его времени. В героях советской драматургии невысокого полета он был органичен, потому что докапывался до глубин национального характера, а в классических образах и постановках всегда искал контактов с современностью. Обо всем этом в книге — золотые россыпи раздумий, наблюдений, поисков. Но главный сквозной сюжет жизни — стремление создать собственный театр, где бы можно было быть абсолютно независимым, ставить то, что он считал нужным, и так, как сам это видел, с актерами, воспитанными им внутри Малого театра и во ВГИКе.

Трагедия Бабочкина-режиссера, о которой с такой болью он рассказывал в своих записях, в том, что ему приходилось осуществлять свои спектакли внутри коллективов, которым он во многом противостоял, хотя бы потому, что они сложились без него, до него и жили по своим законам. В молодости эта несовместимость, "неукладываемость" в любые рамки и границы, конечно же, была не так ощутима. Может быть, поэтому о ленинградских театрах (Александринке, БДТ) такие радужные воспоминания. А потом, уже в Москве, в период расцвета таланта актера и режиссера, его независимость, своеобразие, бескомпромиссность характера, приводили к

болезненным конфликтам. Казалось бы, Бабочкин сделал очень много. Ведь к вышеперечисленному можно прибавить еще и работу на телевидении в жанре литературного телеспектакля, где он сыграл чеховского профессора и деревенского старика в инсценировке прозы В.Белова, исполнил пушкинские "Маленькие трагедии". Казалось бы, чего еще желать? Но... я приведу только одну дневниковую запись от 8 ноября 1968 года: "...Вот ближайший репертуар моего будущего театра: 1. Горький — "Фальшивая монета". 2. Т.Уильямс — "Стеклянный зверинец". 3. Копков — "Царь Потап". 4. Б.Брехт — "Трехгрошовая опера". 5. Чехов — "Чайка". 6. Островский — "Правда — хорошо, а счастье лучше", трилогия о Бальзминове. 7. Современная советская. 8. Современная западная. 9. Чумандрин — "Апрель месяц" (?). 10. Ануй — "Эвредика". 11. Аристофан — "Женщина в Народном собрании". Инсценировка "Три зимы и два лета". Комедия Мольера. "Тихий Дон". Чехов — "Скучная история". Из этих великих замыслов удалось, как известно, немного.

Каково-то носить в себе образы Мольера и Аристофана, а ставить третьестепенные пьесы советских генералов от литературы и умирать на киноэкране с монологами стихов В.Гусева на устах, да еще при этом обливаться неподдельными слезами! Отсюда, наверное, и частые болезни. Сколько писем и заметок написано на больной ничной койке.

Борис Бабочкин был из тех художников, которых невозможно "от века оторвать". Он был связан с судьбой отечества всей кровеносной системой. Его душа была распахнута для самых высоких и трагических переживаний на крутых общественных поворотах. 1971 год. Бабочкин впервые читает "Раковый корпус" Солженицына. Для него это открытие, прозрение, сопровождаемое такой горячей исповедью, таким искренним покаянием, на которые способен только человек с обнаженной совестью.

Замечательная эта книга, к сожалению, приходит к читателю с большим запозданием. Вышла она в свет после двадцатилетних мытарств и скитаний по издательствам, тиражом всего в 800 экземпляров. На титульном листе стоит 1996 год, но, кого ни спросишь, никто ее не видел и не знает, где купить. В библиотеку СТД она поступила в ноябре 1997 года. Между тем читателю-профессионалу (прежде всего) она необходима как хлеб и воздух.

Хорошо, что книгу делала дочь Бориса Андреевича, Н.Б.Бабочкина — профессиональный редактор (при участии Л.А.Парфенова). На титуле я бы поставила гриф: Сделано с любовью.

Евгения ДУБНОВА